

СМИРНОВ
Александр Дмитриевич

**ПОТЕРЯННОЕ
ДЕТСТВО**

СМИРНОВ
Александр Дмитриевич

**Воспоминания
о немецкой оккупации
во время Великой
Отечественной войны**

Давно уже отгремела Великая Отечественная война, всё меньше ветеранов остаётся в живых. Много книг написано об этих тяжёлых и славных временах. Время уходит, многое стирается в памяти, но воспоминания о событиях тех дней не покидают меня даже во сне, бередят душу, и хотелось бы, чтобы новые поколения мирного времени знали, что пришлось пережить нам, детям войны.

Сейчас, по прошествии многих лет, детское восприятие фактов и событий кажется самым и слишком серьёзным, но дети нашего поколения выросли не по годам.

Глава 1 ВОЙНА ВМЕСТО МИРА

Начну коротко, с предыстории. Род наш происходит из села Гастунь Козельского уезда Тульской, а впоследствии - Калужской губернии. Прабабушка моя, Смирнова Прасковья Пафнутьевна, была очень строгая, имела начальное образование на уровне церковно-приходской школы. Дед, Василий Андреевич Смирнов, был сельским школьным учителем. Семья была большая: четыре дочери - Елизавета, Анна, Мария, Елена, и два сына - Дмитрий и Пётр. Несмотря на большую стеснённость в деньгах, прабабушка с прадедом старались всем дать образование.

Бабушка моя, Елизавета Васильевна, закончила гимназию в Калуге, где её учителем математики был Константин Эдуардович Циолковский. Бабушкины воспоминания о нём до сих пор хранятся в Калужском краеведческом музее Константина Циолковского. Бабушка часто вспоминала случай, когда в гимназию приехал ревизор по поводу жалобы на Циолковского, якобы тот плохо готовит выпускников гимназии из-за своих физических недостатков (он плохо слышал). Ревизирующий инспектор задал очень сложную математическую задачу, которая оказалась не по силам многим ученикам, и тогда Константин Эдуардович вызвал к доске Елизавету Васильевну, и она не только решила задачу, но и нашла в условиях ошибку, которую умышленно допустил проверяющий. Циолковский расцеловал бабушку, а проверяющий был сильно сконфужен.

После гимназии бабушка училась на женских курсах, и вплоть до 1905 года учительствовала на селе, где и познакомилась с семинаристом Виноградовым Иваном Васильевичем, моим дедом. Окончив семинарию, дед был в 1905 году посвящён в сан священника и направлен в сельский приход с. Усты Жиздринского уезда Калужской губернии. Дед сделал бабушке предложение, и она переехала с ним в Усты, где они поселились в старом поповском доме. Впоследствии дед постро-

ил новый дом, а старый приобрёл в собственность в качестве пристроя. Бабушка после рождения в 1906 году первой дочери Валентины уже больше не работала, а в 1909 году родилась моя мать, Нина Ивановна, затем - Александр и Лидия, которые вскоре умерли. Дед был прогрессивным по тем временам человеком: хорошо рисовал, вёл записи погоды, выписывал периодические издания. Умер он в 1914 году.

Моя мать окончила Крапивенский педагогический техникум и была направлена в школу деревни Пыренка Думиничского района (ранее Жиздринского уезда) Калужской области, куда учителем был направлен и мой отец, Смирнов Дмитрий Александрович. Там они и поженились. Мать была очень общительная, весёлая, отец же, наоборот, домосед.

Я родился в 1933 году. Вскоре родители разошлись, и я был переведён за 7 километров в с. Усты к бабушке (в это время мне был один год). Детство моё проходило в бабушкином доме, который стоял недалеко от церкви на возвышенном месте, откуда открывался замечательный вид на просторы поймы реки Жиздра. Левый берег её был покрыт древним сосновым бором, правый был пологим, с лугами и полями. Вокруг дома был сад с яблонями и сливами, а ниже располагался родник с чистой, студёной родниковой водой, огоро-

женный деревянным срубом. То теряясь, то возникая, петлял он по пойме Жиздры, впадая в неё. Напротив располагалась церковь постройки 1903-1907 годов, к сожалению, тогда не работавшая. Колокола с неё были сняты, внутри царила пустота, жили многочисленные ласточки, и я очень любил убегать туда и смотреть на строгие, посревшие лики святых и росписи на стенах. По ручью простирался сплошной ковёр незабудок. Здесь я впервые со старшими мальчишками бегал на рыбалку, ловил пескарей, а иногда и окуньков, которых приносил домой живыми в старом чайнике. Часто ходил с бабушкой в сосновый бор за грибами и старыми сосновыми шишками, которыми мы топили печи. Шишек на зиму натаскивали целые закрома.

Рос я болезненным, и бабушка часто потчевала меня всевозможными травками. Когда мне исполнилось 7 лет, я пошёл в школу. Школа помещалась в маленьком здании, в помещениях занимались по два класса: первый класс с третьим, второй - с четвёртым, так что при одновременных занятиях мы невольно слушали то, что преподавалось в третьем классе. Первый класс я окончил в 1941 году. Во втором классе мне учиться не пришлось, так как грянула война.

Сейчас вспоминаю, как провозжали на фронт отца, словно это было вчера: отец шёл вместе

со вторым мужем матери, а я бежал следом. Грозные события войны всех примирили между собой, и после проводов мы весь вечер сидели притихшие и печальные. У матери на руках оставалось двое детей от второго брака - Виктор и Лида.

Бабушка повесила дома старую карту, и я отмечал на ней оставленные нашими войсками города. Лето прошло быстро, страшные события надвигались неотвратимо.

В августе (была уже высокая рожь) мы с сестрой бабушки, Марией Васильевной, отправились на станцию Палики Московско-киевской железной дороги, что в четырёх километрах от Устов, и здесь я впервые увидел в небе над собой немецкий самолёт с чёрными крестами на крыльях. Он пролетел над нами, потом скрылся за тучку и, снижаясь, направился на станцию. От него, подобно большим чёрным каплям, отделились бомбы и со страшным свистом стали падать и рваться. Мы залегли во ржи, а когда самолёты улетели, то, придя на станцию, мы увидели лежащих на перроне мёртвых людей с чёрными закопчёнными лицами, в разорванной одежде. Назавтра в Устах состоялись похороны останков. Мы, дети, тоже молча постояли на кладбище и разошлись. Смерть людей произвела на нас тогда страшное впечатление; это уже потом, привыкнув, мы стали относиться к ней как к чему-то обыденному.

Наступил сентябрь, и первого числа мы собрались в школе. Нам сказали, что занятий не будет по причине близости фронта. Целыми днями мы, мальчишки, были посвящены самим себе: бегали на дорогу смотреть на наших запыханных, измученных солдат, рылись в брошенных в лесу и у дорог машинах и повозках, розыскивали похожий на солому армейский порох и поджигали его или зарывали в золу костра, откуда он, загораясь, разлетался с шипением в разные стороны. Помню, у моста через Жиздру несло оглушённую рыбу, а мы ловили её на мелких местах. Я тогда принёс домой оглушённую щуку, которую прибило к берегу.

Постоянно шла стрельба, слышались взрывы. Боясь пожаров, мы вынесли из дома всё ценное имущество, предварительно уложив его в два сундука, и зарыли в саду. На всякий случай, на ночь все надели лучшую одежду из своего гардероба, взяли с собой всё самое необходимое. За Жиздрой горела деревня Халелевка, в поле горели машины.

Одетый в многочисленные штаны и рубашки, усталый, я уснул мёртвым сном.

На следующий день наступила тревожная тишина. Все ждали появления немцев, но в селе они так и не появились, только по большаку шли машины и танки. К нам в дом попросился молодой

боец. Он был грязный, обросший и страшно хромал, потому что натёр ноги. Бабушка истопила для него баню, дала ему кое-какую одежду, старую суконную отцовскую гимнастёрку, которая была ему ниже колен; попросила бойца зарезать поросёнка, которого наскоро опалили соломой и засолили в кадке. Проведя у нас несколько дней, боец ушёл к линии фронта.

В конце октября пошёл дождь со снегом; в это время из Пыренки к нам пришла тётя Валентина Ивановна, которая после развода родителей заменила мне мать. Бабушка отпустила меня в гости к тётке на несколько дней. Дорога до Пыренки (7 километров) проходила через неубранные поля: рожь и пшеница были скошены, связаны в снопы и уложены в стога, да так и оставлены. Всюду сновали многочисленные мыши. За всю последующую жизнь я не видел столько мышей — их были полчища, и как ни противно было, но зачастую приходилось наступать на них, оставляя на дороге кровавые пятна. Всюду, как в пустыне, царил тишина и безлюдье, люди старались не выходить из своих домов.

Первых немцев мы увидели через несколько дней. Утром, верхом на лошадях, они въехали в деревню, расстреляли замки на сельсовете и магазине, оставили нам, мальчишкам, коробки из-под сигарет и стреляные гильзы.

На следующий день, ближе к полудню, над деревней появился советский самолёт, за которым гнались два немецких истребителя. На наших глазах он загорелся и упал с оглушительным взрывом на поле, окаймлённое мелким кустарником из молодых берёз и осин, в километре от деревни. Место это в народе называли «кирпичики», так как там рыли глину для кирпичей (кстати, Пыренка и все близлежащие деревни были построены из очень крепкого самодельного кирпича). Мы сразу же бросились к месту падения, а когда прибежали, то нам представилась страшная картина: на месте падения образовалась глубокая воронка, кругом валялись обломки самолёта, листовки, какие-то тряпки. Среди всего этого я увидел руку, оторванную по локоть, с остатком тёмно-синего рукава и вышитой на нём пятиконечной звездой. Я поднял её—и вдруг мне показалось, будто она шевелится. Меня обуял небывалый, животный страх, который заставил меня с неестественной осторожностью, бережно положить эту руку в свежую воронку и прикопать её горстями земли. Ребята в это время рассматривали найденные ими остатки каких-то приборов. Из кустов вышли двое в куртках, у одного из них лицо было закопчённое и в крови. Они медленно подошли к краю воронки и остановились, как вдруг со стороны дороги донёсся шум машины, и им пришлось

поспешно ретироваться в кусты. Немцы на машине объехали место падения, стали кричать на нас, и мы убежали обратно в деревню. Через несколько дней деревенские женщины нашли недалеко от места падения того самолёта присыпанное землёй тело молодого мужчины. Лицо его было покрыто копотью и ссадинами, а бок и нога разбиты. Женщины вырыли небольшую яму и закопали его, запретив нам рассказывать об этом кому-либо, а мы, мальчишки, хранили эту тайну.

Может быть, этот самолёт до сих пор числится не вернувшимся на базу, а экипаж—пропавшим без вести, ведь во время войны и в первые годы после неё подобные явления считались обыденными.

В ноябре 1941 года мы узнали, что немцы организуют комендатуры и управы и что все эти органы находятся на станции; в деревне же немцы были наездами. Приезжали обычно утром на санях, ходили с пулемётами по дворам, отбирали птицу, овец, свиней.

К нам в дом вошёл немец в соломенных галошах поверх сапог, забрал балалайку и гитару, которые были получены школой на районной олимпиаде, похватал чашки, ложки. Тут на глаза ему попали пустые куриные яички, из которых до этого я выдул всё содержимое, проколов в каждом из них по две дырочки. Поняв, что они пустые,

немец начал орать, полез на повети¹, но куры с петухом были предварительно спрятаны на чердаке дома и огорожены снопами. Рассвирепев, немец дал по снопам очередь из автомата, но куры не откликнулись и остались целы.

В ноябре-декабре немцы начали свозить на тока и обмолачивать пшеницу, овёс, ячмень, горох. Жителей деревень выгоняли на работу прикладами и палками. Урожай в бывшем колхозе имени Ленина (Пыренка) был богатый, и немцы запустили молотилку с трактором, соединённые плоским приводным ремнём. Нас, детей, заставляли бросать снопы со скирд². Было холодно, солома кололась, и скоро все руки покрылись царапинами. Молотили мы под присмотром солдат, которые, напившись самогона, подгоняли наших деревенских баб и ребятишек криками и зуботычинами. Чтобы хоть немного отдохнуть, мы старались бросить сноп на плоский ремень, который обыкновенно соскакивал со шкива. Немцы (несколько солдат) частенько забивались от холода в сторожку — передвижную будку, и не следили за нами. Как только они уходили в будку, мы бросали сноп на ремень — и работа останавливалась.

¹Поветь — крытое место, простор с верхом, крыша, кровля; здесь: чердак.

²Скирда — скошенные зерновые, связанные в снопы и уложенные особым образом.

Мы слезали со скирды и мчались к костру греться. Заводилами среди ребят были **Виктор Королёв, Володя Мушкетов, Илья Хрыченков**, с которыми я быстро подружился. Как только ремень слетал, прибежали солдаты и с криками начинали сыпать песок на маховик трактора и молотилки. Уходя после такой работы, мы набивали валенки и карманы зерном или горохом, а дома всё это вытрясали. Чем бы всё это закончилось — не знаю. Скорее всего, в лучшем случае нас бы убили, но на наше счастье сломался трактор, и не обмолоченный хлеб частично растащили, а остальной сгорел.

Глава 2 ВОЛОДЯ

В середине ноября 1941 года немцы в деревне постоянного гарнизона не держали и у нас не жили. Однажды ночью в окошко нашей хаты тихонько постучали, Валентина Ивановна вышла на улицу, а я, как обычно, сидел с коптилкой на русской печке и читал одну и ту же книгу о битве русских с половцами (я начал бегло читать с 5 лет), как сейчас помню, с картинками. Может быть, это было «Слово о полку Игореве», а может, какая-то другая книжка — как бы то ни было, я уже ненавижу фашистов, хотя это и были мои первые детские впечатления о них, и отождествлял их с вра-

гами половцами, представляя себя героем тех сражений.

Через некоторое время тётя вошла в хату и сказала: «Шурик, иди, помоги». В сенях лежало нечто бесформенное, и только присмотревшись, я различил в темноте очертания человеческой фигуры. С большим трудом мы с тётей затащили его в хату, посветили коптилкой и увидели поистине страшную картину: окровавленные, засохшие губы, на теле — остатки старой заскорузлой куртки, висящие клочьями, ноги обмотаны грязным тряпьем. Закрыв дверь на запор и занавесив окно, мы содрали с него остатки куртки, под ней оказалась рваная гимнастёрка с двумя малиновыми кубиками на воротничке. Ножницами мы разрезали гимнастёрку и нижнюю рубашку. Отодрать их было невозможно, и нам пришлось отмачивать ткань самогоном. Наконец, мужчина очнулся и начал стонать; весь правый бок у него был синий, на бедре правой ноги темнели две гнойные раны с запахом, который мне потом пришлось встречать не раз. Раздев его догола, мы оторвали с его одежды знаки отличия, в кармане нашли какие-то бумаги, что это были за документы — не известно.

Той же ночью тётя истопила баню. Бани у нас топилась по чёрному: в углу располагалась печь-каменка, где разводился огонь, в каменку был

встроен круглый котёл, круглые шайки с ручками были сделаны из дерева, а дым выходил в специальное отверстие в стене (его называли «посторонка») и через дверь, поэтому стены бани были покрыты толстым слоем чернющей копоти, представляющим собой как бы отполированную поверхность. Пол застилался свежей ржаной или овсяной соломой. На каменку подавали кипяток и парились на полке. Бывало, жара стояла нестерпимая, и от неё приходилось спасаться на полу. Когда баня была готова, мы с тётей, накрыв лейтенанта (так мы стали его называть) и повели в баню, распарили, обтёрли. Кроме крови и грязи, всё тело у него было в пятнышках от укусов многочисленных вшей, кишевших в одежде, которую тётя сожгла.

Утром к нам заглянула соседка — бабка Фроловна и, посмеявшись, сказала тётке: «Что, примака нашла?», на что та ответила: «Это мой двоюродный брат Володя». В тот период это не вызывало у нас в деревне особых пересудов, так как почти в каждой хате пребывали солдаты и офицеры, выходящие из окружения, разбитого Брянского фронта. В это время фронт был уже под Москвой, за 250-300 километров от нас, и многие раненые и истощённые, не могущие идти бойцы были вынуждены искать приюта в далеко отстоящих от большаков и шоссейных дорог, затерявшихся в хаосе великой войны деревушках.

Несмотря на раны, Володя быстро стал поправляться, и уже к концу ноября мог передвигаться. Днём он уходил в сарай, где делал мельницу: в два круглых чурбака забил осколки мелко разбитых старых чугунов, обтянул нижний чурбак железом, в верхнем продолбил, а затем прожёл конусное-отверстие—«сынку». К верхнему чурбаку прикрепил петлю, вторую прибил под потолок, в отверстия петель вставил гладкий кол с вбитыми в торцы гвоздями—и мельница готова. Молоть было очень тяжело, зачастую приходилось крутить верхний жернов вдвоём и перемалывать одно и то же зерно не один раз, но мука получалась приличная. У нас имелся запас картофеля, капусты, во дворе было спрятано сало, в хлеву стояла корова Зорька, о которой я напишу позже, ибо эта удивительная история жизни животного заслуживает особого внимания.

Скоро выпал снег, и мы, ребята, стали кататься с горы, до которой от деревни было около километра. Помню, называлась она почему-то «Пчельней», хотя никакой пасеки там не было. Катались мы на скамейках, обмазанных снизу свежим коровьим навозом, политым водой. Удержаться на такой скамейке было довольно сложно, ведь она очень хорошо скользила по снегу и летела вниз с горы с бешеной скоростью. Затащить такую скамейку в гору требовало больших усилий, и

чтобы кто-то из ребят не пришёл на горку раньше всех и не скатился на чужой скамейке, мы своих ледяных коней прятали в кустах на горке.

Однажды я затащил свою скамейку подальше, и вдруг зацепился за какой-то предмет, торчащий из снега. Быстро разгрёб неглубокий снежок и увидел брезентовый ремень, потянул — и в руках у меня оказалась воронёная винтовка с магазином. Девяти—десятилетние мальчишки, мы уже в тот период разбирались в марках оружия. Запорошив свою находку снегом, я помчался домой, а вечером вернулся на горку, откопал её и поспешно перетащил в ригу (сарай, где сушат снопы). Мне не терпелось рассмотреть оружие и узнать, как оно действует. Магазин на 5 патронов был полный; кроме этого, я притащил несколько обойм, которые нашёл в бывшей школе. Наконец, винтовка была смазана и вычищена, и её можно было опробовать. Своим секретом я поделился с Витькой, тот предложил пойти и пострелять в пустом каменном здании бывшего магазина. Так как ни он, ни я не доставали до спускового крючка, то решили отпилить приклад, что и сделали.

В магазине Виктор поставил на кирпич ручную гранату без запала, я прицелился и выстрелил, получив при этом сильный толчок в плечо, но с первого выстрела в гранату на 10 шагов попал. Постреляв ещё, мы спрятали винтовку в ригу. Кор-

да я пришёл домой, Володя отозвал меня в сторону и спросил, где у меня винтовка. Оказывается, он слышал выстрелы и видел, как мы крались по огороду.

—Зачем вам винтовка?— спросил он.

—Бить фашистов. А ты убил хоть одного фашиста?

—Да, одного. Под Брянском, на насыпи железной дороги.

Он заставил меня принести винтовку и обрезок приклада, долго ворчал — мол, испортили имущество, но в конечном итоге соединил обрезки болтами и обвязал приклад сыромятными ремнями.

На следующий день мы на лошади, запряжённой в сани, поехали в лес за дровами на так называемое «Осиновое болото». Винтовка была у нас в санях под сеном. Приехав на место, Володя поставил расколотую осиновую чурку, наметил на ней головешкой пятно. Три выстрела — и все в пятно. Отличное оружие. Применит ли его где позже Володя и какова дальнейшая судьба этой винтовки, узнать мне не удалось.

В длинные зимние вечера я с затаённым дыханием слушал Володиные рассказы о боях под Брянском, о том, что ему пришлось пережить. Прошло много лет, но эти беседы и события врезались в мою память навсегда, словно это собы-

тия недавних дней. Володя говорил, что его фамилия Вишневский, так ли это —я не знаю.

В декабре немцы иногда появлялись в деревне, и тогда они выгоняли баб чистить большак в Ясенке от снега. При появлении немцев все, кого могли направить на дорогу, прятались, а солдаты их искали, нещадно лупили палками, и всё это напоминало жуткую игру в прятки. На нас, детях, лежала обязанность следить за дорогой и при появлении немцев оповещать жителей деревни. Как только сани с оккупантами появлялись на Зобовой горке, мужики во весь опор гнали лошадей в Осиновое болото, спасая их от немцев, а бабы прятались в банях и на сеновалах. В переговоры с врагами вступали дети да древние старики. Самым знающим немецкий язык на деревне был дед Костик, который был в немецком плену в 1914 году. Весь его словарный запас выучила вся детвора, а запас этот был довольно скудный: «найн». «эссен», «гут», «бляйбен хиер», больше от деда ничего нельзя было добиться. На все вопросы немцев дед, выпучив глаза и став по стойке смирно, неизменно изрекал: «бляйбен хиер». Эта фраза прилипла к деду в качестве клички. На деревне любили также повторять выдуманное дедом изречение: «эссен, эссен—ненаэссен, и эссен не хочу» (то есть ел, ел—не наелся, и есть не хочу). Дед Костик был очень душевным и хорошим че-

ловеком, и мы часто собирались у него, чтобы послушать его бесконечные рассказы о славном довоенном времени.

Война грохотала где-то на востоке, по деревне ходили многочисленные слухи, будто бы за Думиничами в лесах, в Козьем бору — партизаны, будто немцы угоняют скот, расстреляли в Думиничах несколько человек, но мы, дети, ещё не осознавали этого в полной мере. Мы катались с горки, бились палками, и в этих играх всегда побеждали фашистов. Немцы наведывались в деревню регулярно, мы прятали по овинам, сараям и баням кур, закапывали в землю чугунки с салом и мёдом, но после этих набегов в деревне не осталось ни свиней, ни овец, ни гусей. Кур ещё продолжали прятать в укромных местах—в снопах, в соломе, на крышах. Делали из снопов кладезь (что-то наподобие колодезного сруба), и держали там 2-3 курицы. Крупный рогатый скот немцы не трогали, и в этом был их дьявольский, далеко идущий расчёт, ведь что жальче всего простой деревенской семье? Конечно же, кормилицу, «матушку» корову, самый главный источник средств к существованию. Фашисты понимали, что массового забоя коров жители не допустят, и скот в любую минуту можно будет отобрать; это был как бы резервированный фонд для немецкой армии.

В конце ноября—начале декабря движение по большакам в сторону Москвы усилилось, всё взрослое население выгоняли на расчистку дорог от снега. В это время Володя очень сблизился с нашим соседом напротив, другом моего отца—Федькиным Тимофеем Ифимовичем; уединившись, они разговаривали часами. Я часто навещался к дяде Тимофею, и он всегда, спросив, как дела, говорил: «Ничего, Шурик, скорое от немцев ошметки полетят: гонят их от Москвы.» Дядя Тима в армию не попал. Так как очень сильно хромал из-за ранения, полученного им на Финской войне. Он ходил, ковыляя с боку на бок, низко наклонив свою лобастую голову, всё время как будто что-то рассматривая. И всё же, несмотря на свою короткую ногу, это был человек железного здоровья: он не носил шапки, никогда не застёгивал на груди свою потёртую фуфайку. Во время отступления наших войск в октябре он пытался эвакуироваться в тыл: запряг лошадь, зашил в хомут документы и поехал в сторону Москвы, но за Сухиничами его перехватили немцы, отобрали лошадей и через несколько дней скитаний он возвратился в деревню.

Наступил Новый 1942 год. Как сейчас помню: на Рождество в деревню приехали на низеньких, мохноногих лошадях-«монголках» наши разведчики. Их было трое: очень молодой, русоволосый

лейтенант (тётя Валентина Ивановна привела его к нам в дом и, расспрашивая о Москве, где жили наши родственники, говорила: «Какой молодой беленький человек, ну прямо как мальчики, мои ученики»), второй, сержант, был старше лейтенанта, лет ему было 30-35. Он был кряжистый и чернявый. Третий был рядовой красноармеец не запоминающейся внешности. Вооружение лейтенанта представлял пистолет, и мне особенно запомнилось, что поверх кобуры он крепился к рукояти не ремнём, а немецкой цепочкой для протирки и смазки оружия, которая состояла из отдельных звеньев и была изготовлена из лёгкого сплава. Так вот, эта цепочка была такой длины, что когда лейтенант сидел, то она доставала до пола.

Так как в деревне праздновалось рождество, то в нашу избу набилось битком народу. От желающих пригласить в гости наших разведчиков не было отбоя. В конце концов, свекольный самогон, студень, солёные огурчики и всякие другие соблазнительные закуски и настойчивые просьбы отведать того и другого возымели своё действие, и к вечеру дорогих гостей уже водили из дома в дом, а мы, мальчишки, гордились ответственным поручением старших сообщать об опасности в случае появления немцев. Солдат был вооружён винтовкой с магазином СВТ (эту систему ребята

знали), а вот сержант с особенной гордостью продемонстрировал старикам своё оружие—автомат. Такого диковинного оружия мы тогда ещё не видели.

Ночью, пока разведчики отдыхали, женщины и старики по очереди дежурили на окраине села. Однако несмотря на такую серьёзную охрану, слух о разведчиках уже достиг соседней деревни—хутора Кротова Гора. И оттуда приехали на санях гонцы, горящие нетерпением увидеть наших дорогих гостей, но посланцев задержали, лошадей распрягли, а их самих разобрали гостить по родственникам и знакомым. Утром, проснувшись ни свет ни заря, все жители Пыренки высыпали на улицу провожать разведчиков, а те на отдохнувших лошадях помчались обратно по дороге на Широковку-Зимницы. Наши войска наступали главным образом вдоль дорог по большакам, а также вдоль железной дороги, и в деревне не было ни наших войск, ни немецких.

Через несколько дней к нам на санях приехали двое партизан из Думиничского отряда **Романова!** Один из партизан был известный в деревне человек, директор МТС Антон Мосин. Всё население собралось в клубе. Мы, дети, сидели на полу возле сцены. Мосин был крупный мужчина в полушубке, с немецким пистолетом (такие кобуры мы видели у немцев) и винтовкой. У возницы

тоже была винтовка, но он оставался на улице. Мосин рассказал о боях за Москву, Калугу и особенно подробно — о боях местных партизан. Стоя почтили память партизан, павших в боях, ведь каждого из них жители деревни хорошо знали. Особо отпечатались в памяти фамилия заведующего Районо Митина ещё до войны он присутствовал на одном из уроков в моём классе. Сидел он на стуле в проходе, позади всех, а ученики читали по очереди, и он меня похвалил.

По окончании собрания все мужчины призывного возраста и военнослужащие, скрывшиеся от немцев в деревне, которые не могли тем или иным причинам перейти линию фронта, отправились на районный призывной пункт. Не помню точной даты, но где-то 10-11 января я, как обычно, вышел на улицу. Дойдя до её середины, я обратил внимание на странный двухмоторный самолёт с крестами на крыльях, который сделал горку, снизился и вдруг понёсся прямо на меня вдоль улицы, сверкая впереди вспышками выстрелов. Я бросился за стену каменного склада, и в этот момент раздался короткий страшный свист, резкий удар — и я очнулся у стены сарая. Оглушительно звенело в ушах, резкая боль, словно сверлила затылок; я схватился руками за голову, руки были в крови: ручеек из-за уха потёк по шее и спине. Как сейчас помню ту сцену: ко мне, разинув рты,

бегут люди, но всё это совершенно беззвучно, как в немом кино. Напротив загорелся дом бабки Хлудневки (это прозвище было дано ей, скорее всего, потому, что когда-то в давние времена её сосватали из деревни Хлуднево). Меня повели к крыльцу тётиного дома, и тут у меня в ушах как будто что-то прорвалось, и я снова стал слышать. Страшно, с надрывом ревели коровы, охваченные пламенем. Самолёт сбросил на деревню несколько фугасных и зажигательных бомб, некоторые хаты горели... Мою голову перевязали, как могли, осколок от авиабомбы застрял глубоко в кости, размером он был около двух сантиметров и приносил невыносимые страдания. На следующее утро я вышел на улицу: со стороны реки Жиздры, Зикеево, где находилась железная дорога, доносился непрерывный гул артиллерии, над деревней на малой высоте носились самолёты с чёрными крестами, обстреливая и сжигая жильё. Более трети домов в деревне уже сгорело.

Где-то в середине месяца канонада переместилась в сторону села Усты, которое я покинул осенью 1941 года, и Пыренка наполнилась немецкими войсками, между хатами разместилось несколько танков. Разве могли мы подумать, что наше освобождение от оккупантов было таким скоротечным? Где нам, детям, женщинам да старикам, было знать, что мы очутились в центре

ожесточённых боёв, явившихся результатом контрудара немецких войск силами 208 пехотной дивизии по ослабленным в боях частям 322 стрелковой дивизии. В конце января в деревню вернулись старики-извозчики, которые были мобилизованы вместе с лошадьми для перевозки наших бойцов и грузов. Они рассказали, что чудом проскочили между двумя немецкими группировками. Пытаясь проехать к своим в сторону Сухинич, они с группой наших бойцов, среди которых были и собранные по деревням «окруженцы», натолкнулись на немцев, которые двигались навстречу своим наступающим войскам в районе Воронёты-Николаево. В окружённых Сухиничах некоторые старики, особенно мобилизовавшиеся из села Усты, погибли под обстрелом и бомбёжкой. Но выжившие привезли с собой и Володю Вишневого. Он был без сознания, бредил; оказалось, что он ещё накануне заболел сыпным тифом. У нас не было никаких лекарств, чтобы помочь ему. Единственное, что мы могли сделать, так это сжечь его одежду, кишевшую вшами, и накладывать холодные компрессы на лоб. Мы с тётей уже обсуждали, что будем делать дальше и где на огороде похороним его. В связи с приходом немцев из Сухинич, их численность в деревне так возросла, что они заняли все сохранившиеся хаты и выгнали нас, мирных жителей, в сараи и подва-

лы. В наших домах немцы жили очень своеобразно: у русской печи ставили рельсы и раскладывали на них костры, в результате чего многие хаты сгорели, в том числе и хата дяди Тимы. Мне особенно запомнилось, как метался он в горящей хате, пытаясь спасти своё немудреное имущество.

В районе села Усты начались ещё более ожесточённые бои, так что мы ничего не знали о судьбе своих близких: матери, брата, сестры, бабушки. Ещё более интенсивные бои с нашими наступающими войсками развернулись в районе деревни Слободка. Наша деревня Пыренка стала прифронтовой.

Я целыми днями, несмотря на боли в голове, пропадал на улице, с интересом наблюдал за происходящим. Борьба с немцами постепенно приняла позиционный характер. Фашисты повсеместно укоренились: рыли под каменными домами щели, строили блиндажи.

Осколок в моей голове затянулся опухолью, и, несмотря на то, что каждую ночь к раненому месту прикладывали тряпку, пропитанную мочой, мне становилось всё хуже. Немцы начали выгонять из деревни жителей, находящихся в зоне военных действий; люди шли пешком по грязи, окружённые солдатами с собаками, а оставших детей и стариков безжалостно подгоняли палками.

В один из февральских дней по улице гнали очередную группу жителей из деревень Широковка, Буда-Мальцевская. Я, как всегда, стоял у дороги. Одна старушка, в больших не по размеру лаптях, замешкалась, и немец изо всей силы ударил её сучковатой палкой по лицу. На палке повис какой-то сгусток—остаток вытекшего глаза или вырванной с мясом кожи, который немец, подойдя ко мне, стряхнул с палки. Я бросился к дому, забился от страха в чулан, где мы с тётей тогда жили, и несколько дней совсем не выходил на улицу.

Так прошёл февраль, начался март.

Отступая из района Думинич, немцы угоняли всё население, сжигая и разрушая постройки. Вместе с немцами отступала самая ненавистная для нас категория людей — полицаи. Нет более тяжкого и позорного преступления, чем измена своей Родине, своему народу. Сейчас много говорят о том, что эти люди вынуждены были пойти в полицаи по принуждению, в некоторых случаях стараются огласить предательство в политические одежды — якобы эти люди шли бороться с Советской властью по идейным соображениям. В подавляющем большинстве своём эти люди представляли собой ничтожные натуры со звериной, потребительской моралью: грабить, отбирать, убивать беззащитных, жрать, пить, насиловать.

Они, как правило, упивались своей властью над людьми, а перед своими хозяевами лебезили и ползали.

К нам в деревню тоже сбежала группа полицаев во главе с Авпатовым, я запомнил также фамилию Зайцевы — отец с сыном. Сын Зайцева был наш ровесник, он обыкновенно пытался втереться к нам в доверие, подслушать разговоры и донести отцу, но мы всегда демонстративно отходили от него, и к этому времени научились, держат, язык за зубами. Может быть, он и жив ещё— Бог ему судья. Возможно, он это делал неосознанно, но яд отцовской морали уже тогда отравил его. Полицаи следили за местным населением, участвовали во всех акциях по изъятию имущества, насильного угона людей в рабство.

В феврале Володе стало лучше, он уже ходил, хоть и с трудом. По чьему-то доносу полицаи во главе с Авпатовым днём устроили у нас дома погром, произвели обыск, разрыли подполье, но так и не нашли нашу потайную землянку, где хранились листовки и газеты. А если бы нашли, то нас непременно расстреляли бы. Ничего, не найдя, они избили тётю, забрали Володю и повели его по деревне. С ними был немец, которого они называли Максом. По его команде Володю поставили к кирпичной стене, привели нас с тётей и стали стрелять над головой Володи в стену, а по-

том завалили его и били прикладами, ногами. Особенно старался Авпатов. Пообещав расстрелять нас, они бросили Володю на улице. Жители деревни боялись подойти к нему, и лишь с наступлением вечера мы с тётёй смогли перетащить его к себе в чулан. Как сейчас помню обезображенное побоями лицо Володи и его хриплый голос: «Погодите, гады, я вам ещё покажу».

Март того года отмечен ещё одним важным событием. В один из дней, по деревне пошли полицаи и команда немцев. Они открывали коровники, палками выгоняли скот: коров, телят. На деревне отовсюду слышался плач женщин и детей, ведь потерять единственную кормилицу — непоправимая беда для любой семьи. С нашего двора тоже стали выгонять корову, но она застонала, как человек, и начала телиться. Немцы торопились, стараясь угнать как можно больше скота, нещадно лупили её палками, но идти Зорька не могла. Тогда молодой солдат поднял винтовку, но выстрелить в корову не успел: другой немец, пожилой и в очках, схватил молодого за руку и не дал ему выстрелить. Окружив коров цепью солдат и полицаев, фашисты погнали скот по дороге на Жиздру.

Тихо стало в деревне, коров остались единицы — те, которых немцы не успели угнать, боясь темноты. Эта история с Зорькой имеет своё про-

должение. В войну были втянуты не только люди, но и животные гибли и страдали в это время. Война, развязанная фашистами, несла гибель всему живому: уничтожались люди, скот, сады, леса; немцы топтали и выжигали хлеба, и всё это вызывало в нас стойкое чувство ненависти к оккупантам.

Глава 3

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТОРОНУ ФРОНТА

Мне становилось всё хуже и хуже, опухоль распространилась на шею, и я круглые сутки почти не спал и орал что есть силы. Однако я был не единственным ребёнком в деревне, получившим ранение. Немцы посадили нас (не помню уже сколько человек — четыре или пять на попутную машину и отправили вместе с несколькими солдатами в г.Жиздру. Из всех, кого отправили вместе со мной, мне особенно запомнилась девочка лет 12-13. Из какой она была деревни — из Пыренки или из соседних деревень — я не помню. У неё было четырнадцать ранений в голову, грудь, ноги. Ехали мы в кузове, и машину страшно трясло, что причиняло ей невыносимые страдания.

При моём отъезде тётя пыталась упросить солдат позволить ей поехать с нами, но её грубо оттолкнули, и я, таким образом, был увезён в неизвестность. В Жиздру приехали к вечеру; нас под-

везли к каким-то длинным сараям и после недолгих препирательств с охраной провели нас за проволоку. То помещение, в которое я попал вместе с раненой девочкой, раньше, очевидно, было складом. Нас уложили на пол, на солому. Все помещения были разбиты на две части и покрыты соломой, посредине солома не стелилась, образовав, таким образом, дорожку для персонала. Наши раненые солдаты и офицеры лежали вповалку на полу, прикрытые тряпьем. Наутро был обход. Как мне позже объяснили солдаты, врача звали Владимир, а медсестру — Соня. Были там и другие врачи и медсестры, но время стёрло их образы из памяти. Все они были военнопленными.

Осмотрев меня, врач (как я сейчас понимаю, он был хирург) — молодой, русоволосый, но, как мне тогда показалось, очень строгий — распорядился, чтобы меня привели в небольшое помещение со столом и невысокой скамейкой у стола. Врач взял опасную бритву и стал править её на ремне, а Соня в это время принесла, по её словам, лекарство, которое налили в кружку и дали мне выпить. Я выпил эту жгучую жидкость, и реакцией своей вызвал улыбки пришедших на перевязку солдат: проглотив добрую порцию «лекарства», я утёрся рукавом и со слезами па глазах сказал: «Чего обманывать — это же свекольная!».

Во время оккупации вся Пыренка гнала свекольный самогон, и я знал его вкус. Мне насильно влили в рот ещё несколько глотков самогона, но я не засыпал, и тогда двое раненых стали меня держать, прижав лицом к столу, а хирург безжалостно чем-то долбил за ухом. В конце концов, от самогона и боли я погрузился в пропасть. Проснувшись утром, я обнаружил, что моя голова обмотана тряпкой, а под ней за ухом бугрилась прокладка из бумаги и ваты.

Наступили страшные ночи: стоны, храп, ругань во сне, нестерпимая вонь, а главное, непроходящее чувство голода. По просьбе раненых я подносил им воду в консервной банке. Днём давали баланду из бураков и очисток с немецкой кухни и по кусочку хлеба. Мне на всю жизнь запомнились буханки этого хлеба: они были неестественно белые, с двумя буквами на верхней корке — О.А., что означало «Ost arbeiten» (восточные рабочие). Белизну этому так называемому хлебу придавали измельчённые до пыли опилки листовенных пород, и они же делали этот хлеб необыкновенно жёстким и горьким на вкус. Хирург Владимир иногда наливал нам в банки дополнительной бурды, состоящей из помоев от мытья котла и посуды охраны лагерной больницы.

Память, хотя и смутно, сохранила некоторые разговоры и лица наших солдат. На полу, где я

лежал, рядом со мной постоянно спорили двое солдат. Один, пожилой, не мог двигаться и всем объяснял, что ранил его лейтенант, командир взвода: «Я полез в окоп прятаться, а он и стрельнул из нагана мне в жопу». Другой солдат был ранен в грудь, громко кашлял и называл пожилого гадом, добавляя и слова покрепче.

Каждое утро в госпитале собирали трупы, складывали их в телегу с коробом, связанным из прутьев, и увозили. Девочка, которую привезли со мной, не переставая стонала, но однажды утром стоны прекратились. Я подошёл к ней, она была мертва. Когда её выносили во двор, все раненые, кто только мог ходить, вышли на улицу её проводить, но охранники заорали на нас, и всем нам пришлось молча вернуться в барак.

Время шло, рана моя гноилась. Сейчас я понимаю, что этот мужественный человек—русский доктор Владимир—спас меня от неминуемой смерти. Жив ли он сейчас, или все эти военные невзгоды вызвали его преждевременный уход в мир иной?.. Огромное спасибо Вам, наши славные медики, которых не могли сломить никакие испытания! Слава вам, и пусть внуки и правнуки наши знают, какие это были кристальные люди, как глубоко осознавали они свой врачебный долг, как любили людей.

В больнице меня никто не навещал, тётя Тина (так родные называли мою тётю Валентину Ивановну) не знала ничего о моей судьбе. Я сильно похудел, и всё больше времени проводил лёжа на полу, безразличный ко всему.

В начале мая 1942 года доктор Владимир пригласил меня к себе, долго осматривал рану, затем спросил мою фамилию, имя, где я родился, где живу, есть ли у меня родственники. Среди раненых детей ходили слухи, будто немцы всех вздоравливающих отправляют в лагерь. Через несколько дней, ранним утром, меня снова отвели к доктору. Доктор вручил мне бумагу с печатью, где был изображён ненавистный орёл и значилось на немецком и русском языках, что я находился на лечении и отправлен к родственникам в д. Пырника. Как удалось Владимиру достать этот пропуск в сторону фронта, для меня и сейчас загадка.

Солдат из охраны вывел меня за город на большак по направлению в деревню Батылевка, а дальше я отправился один. Шёл я очень долго, часто садился отдыхать. Уже наступила весна: зеленели берёзки, вдоль дороги пробивалась трава. По дороге в сторону фронта двигались повозки, редкие машины, и мне казалось, что никто не обращает на меня внимания, но это впечатление было обманчивым: пройдя деревню Дубище (Жиздринский район), на окраине я был остановлен

двумя здоровенными жандармами с громадными бляхами на груди. Они долго вертели в руках мой пропуск и как будто чего-то ожидали; я был так напуган, что самым своим видом внушал им недоверие. Меня снова повели в деревню, завели в хату, где помещалась комендатура. Там были переводчик, полицай и офицер. Переводчик спрашивал у меня, кто я, куда иду, а полицай старался сбить меня с толку, спрашивая фамилии жителей деревни, но на этот каверзный вопрос я ответил, что живёт в деревне бабка-колдунья, и назвал её деревенское прозвище—«Сербелка». Это прозвище ей дали в деревне за то, что она, прежде чем начать говорить, всегда чесалась, приговаривая: «Ой сербит, ой сербит».

Меня отпустили, и я пошёл дальше. На моём пути лежало село Ясенок; по дороге мне запомнилось немецкое кладбище с крестами из срубленных берёзок и надетыми на них касками. Ближе к Ясенку стояли в березняке орудия с длинными стволами. Скорее всего, это была дальнобойная батарея. Село Ясенок располагается на возвышенности, его улицы расположены кольцеобразно. Дорога из г.Жиздра проходит как бы через два села, расположенные на расстоянии около километра тыльной стороной друг к другу. На выходе из села меня остановил патруль из трёх немцев. На этот раз меня не повели в комендатуру и,

проверив пропуск, махнули рукой в знак того, что я могу идти дальше. Выйдя за село, я перешёл по мостику речку своего детства Ясенку, преодолел песчаный холм—Манегину горку, как его называли, и, совершенно обессиленный, присел у дороги. Голод и усталость сделали своё дело, и я уснул. Сколько я спал—не знаю, но пробуждение было неожиданным: меня довольно крепко потрясли за шиворот. Очнувшись ото сна и наконец-то сообразив, где я нахожусь, я увидел полицая с винтовкой, который меня разбудил, и телегу с двумя солдатами на дороге. Полицай, расспросив, куда и к кому я иду в деревне Пыренке, передал пропуск солдатам, а те после коротких переговоров указали мне место на телеге.

Не доезжая до Пыренки, в двух примерно километрах от деревни, на возвышенности группы военнопленных копали траншеи. На этом моё путешествие в сторону фронта закончилось, начались прифронтовые будни. За время моего отсутствия многое изменилось. Володю и всех, оставшихся в деревне мужчин немцы забрали на строительство оборонительных сооружений. Домой их уже не отпускали, а держали в сарае под охраной. В деревне расположились многочисленные воинские подразделения немцев.

Коротко о деревне: Пыренка была расположена вдали от магистральных дорог в своеобразной

котловине, огороженной со всех сторон небольшими возвышенностями. Таким образом, в какую сторону ни посмотришь — взгляд упирается или в холмистое поле, или в полосу невзрачных зарослей осины и березы. Мелким болотистым ручьём деревня разделена на две половины: собственно Пыренка (в низине вдоль ручья) и Малакановка на юго-восточной всхолмленной части котловины. Земля в этих низинных местах, по сравнению с окружающими селениями с их песчаными и супесчаными, а местами и с серыми подзолистыми почвами, богатая и ухоженная, всегда отличалась высокими урожаями и пышными лугами с зарослями пырея. Отсюда, скорее всего, и название деревни—Пыренка. Таким образом, по тактическим соображениям эта котловина, в которой стоит деревня, удобна для размещения резервов, складов боепитания и других объектов, так как она не просматривается ни с какой стороны. Этим, скорее всего, и руководствовались немцы, расположив здесь ближайшие прифронтовые тылы 208 пехотной дивизии и частей 4-й танковой армии.

Школа в деревне до войны занимала два здания, стоявшие между двумя поселениями, на обширном пустыре: старое — довольно просторное, на два крыла, и новое, где размещались начальные классы. В старом здании был, развёрнут не-

большой полевой госпиталь, в малом здании находился штаб, там жил генерал. Деревенские избы, с маленькими окнами и толстыми стенами, представляли собой удобные позиции для обороны и были набиты солдатами. Как правило, в каждой избе-пятистенке (так называли в деревне избы, перегороженные пополам капитальной стеной) в задней, чистой половине находились офицеры, а в передней— солдаты во главе с унтер-офицерами. В каждом отделении было по 8-12 человек. В нашей избе в чистой половине поселился пожилой офицер с изуродованной шеей: сзади на шее у него был шрам, и голову он держал всё время набок, как будто бы прислушивался к земле. Он был в звании оберлейтенанта. В первой половине расположился денщик — здоровый рыжий солдат, и ещё около десятка солдат с унтер-офицером, которого звали Вальтер. Вальтер напоминал обезьяну. Смуглый и черноволосый, с длинными руками и громадным ртом, он всё время старался дать мне подзатыльник или чем-нибудь запустить в меня—поэтому я его со всей своей мальчишеской прямоотой ненавидел и с трудом скрывал это.

К нам в дом зачастила племянница дяди Тимы Дарья, которая до войны училась в Москве в торговом техникуме. Ей было лет семнадцать-восемнадцать. Сначала она заигрывала с Вальтером, а

затем, став его любовницей, начала терроризировать нас: любимой её темой были рассказы о «русских свиньях» и о «культурных немцах». Она на все лады превозносила новый порядок и со вкусом рассказывала, как она выйдет замуж за Вальтера и, став «хозяйкой», будет учить уму-разуму нас, «русских свиней». Когда дядя узнал о Дашкиных похождениях, то взял вожжи и отстегал её от души. Вся в слезах, с рубцами на руках, прибежала она в нашу избу жаловаться своему любимому. Реакция была моментальная: уже через несколько часов всё население деревни согнало к комендатуре, привели бедного дядю Тиму, завалили его на лавку и начали стегать солдатскими ремнями по голому телу. Сначала Тимофей молчал, затем начал стонать, и стон этот перешёл в монотонный вой, который до сих пор я не могу забыть. Все мы, и дети, и взрослые, стояли молча, многие плакали. Когда экзекуция закончилась, вышел переводчик и объявил, что так будет с каждым, кто не уважает германских солдат и обижает «друзей» Германии. Забегая вперёд, скажу, что Дарья в дальнейшем была отправлена в Германию и помещена в лагерь, а после войны вернулась в Москву. В деревне она, естественно, не появлялась, боясь расплаты, а главное, всеобщего презрения.

Глава 4 ЛЕТО 1942 ГОДА

К весне 1942 года фронт стабилизировался, и мы оказались в прифронтовой полосе на расстоянии 4-6 километров от линии фронта, которая проходила западнее Зимницы, Слободки. Ночью отчётливо слышались пулемётные очереди и отдельные винтовочные выстрелы. Через наши головы летели снаряды как советской артиллерии, так и немецкой, позиции которых находились за деревней на так называемом урочище «Дубовый мост» и «Первый и Второй ровок». Днём и ночью летали самолёты, шли воздушные бои, но, несмотря на это мы, жители, кое-как взрыли огороды, посадили немного картофеля, который сажали главным образом в виде накопленных втайне от немецкой кухни очистками. Трудно восстановить события того времени в безупречно чётком хронологическом порядке, но отдельные эпизоды на всю жизнь врезались в память, словно лишь вчера имели место быть.

Возле школы была своеобразная площадка, где немцы устроили плац. Однажды они пригнали на неё несколько сот военнопленных. Военнопленные были настолько истощены, что еле держались на ногах. Немцы, построив их в виде правильного четырёхугольника, заставили петь хором, а дирижировал со специально устроенно-

го помоста пожилой военнопленный с длинными седыми волосами. Особо врезались в память слова песни «Ты не вейся, чёрный ворон, над моею головой». Пели они с душой, и что-то грустное и тоскливое, но в то же время величественное было в этих старых песнях. Скорее всего, в этот своеобразный хор немцы отобрали наиболее одарённых людей. Занятия хора проводились ежедневно, по много часов в день. Жители деревни собирались неподалёку от того места и слушали, затаив дыхание и со слезами на глазах. После каждой песни пленных заставляли хором выкрикивать: «Нас хорошо кормят, скоро отпустят по домам. Бросай оружие, иди домой. Не слушай комиссаров и политруков». Многие в строю падали, их поднимали, били палками. Может быть, кто-то из участников этого жуткого хора и жив ещё... Позже, когда немцы с агитационными целями угнали военнопленных на передовую, в деревне говорили, что там их встретили огнём, и они бросились бежать в сторону наших позиций под огнём с немецкой стороны. При этом очень многие погибли, но некоторым удалось достигнуть наших окопов и спастись.

Кроме этого, вокруг деревни стояли отряды насильно согнанных местных жителей, а также поляков и военнопленных, которые ежедневно выгонялись на строительство оборонительных

сооружений, как впереди деревни, так и эшелонировано в глубине обороны. Рылись противотанковые рвы, строились проволочные заграждения, устраивались блиндажи, соединённые ходами сообщения. Кормили этих строителей плохо, особенно они нуждались в табаке и хлебе. Среди нас, мальчишек, процветала охота за окурками. Целыми днями мы, гоня проволокой - «водилкой» обручи, бегали по деревне, собирая окурки. А, насобирав, мы перетирали их на табак и спешили к строителям менять табак на соль или консервы. Соль была на вес золота, и за щепотку соли приходилось отдавать консервную банку табака. А вот консервами, которые мы получали за обмен, была главным образом консервированная крапива, в чистом виде или с какими-то добавками. За спичечный коробок соли приходилось чистить десятки солдатских сапог, или в течение нескольких дней отдавать весь удой молока. Несколько оставшихся коров мы пасли в пойме речки Ясенки по очереди целыми семьями.

У каждого есть река или речка своего детства. Такой речкой была для меня Ясенка или, как иначе называли её в деревне, Плавля. Чистая, шириной не более 15-20 метров, с многочисленными песчаными косами и отмелями, обрамлённая кустарниками, с широкой луговой поймой, она была богата рыбой и особенно раками. Впадает

она в реку Жиздра, которая протекает в 6-7 километрах от деревни. В этой пойме мы проводили по несколько дней в неделю, пася скот.

Опишу ещё ряд эпизодов, связанных с авиацией. Однажды, где-то в начале лета, мы наблюдали с крыльца, как немецкие самолёты-«лап-тёжники» с неубирающимися шасси (как я сейчас понимаю, это были фронтовые штурмовики), беспрерывно пикируя, бомбили позиции наших войск. Там что-то горело, поднимался чёрный дым, всё небо было покрыто дымными шашками разрывов зенитных снарядов, а нам было так обидно оттого, что немецкие самолёты не горят и не падают. Однако наше ожидание было вознаграждено: один из фашистских самолётов задымил, резко снизился и, описав дугу, упал на поле у так называемого Осинового болота. Назавтра мы сбегали на место падения, осмотрели воронку и разбросанные вокруг куски фюзеляжа, в обломках кабины валялось обгоревшее тряпье, сгоревший портсигар.

Приблизительно в середине лета над деревней был подбит советский истребитель—он сел на брюхо в километре от деревни на Зобовой горке. Когда мы пришли на место падения, то немцы нас туда не пустили. На следующее утро мы с Виктором Королёвым снова отправились туда. Самолёт был, как нам показалось, небольшой, с

тупым носом, без видимых повреждений. Пробоин мы не видели, в кабине валялись пустые пулёмётные ленты. Мы долго играли в этом самолёте, сидя по очереди на сиденье пилота и воображая себя лётчиками.

Жизнь в прифронтовой полосе была полна ежедневных событий. Многое уже изгладилось из памяти, но многое, что свойственно старикам, помнится с точностью до мельчайших деталей. Как-то днём к нам зашёл молодой симпатичный парень в полувоенной форме, поинтересовался, как мы живём, посмеялся и пошёл к соседям. Позже мы узнали, что он побывал во многих домах. Тем вечером немцы собрали всё население деревни, отвели на окраину, пересчитали, обыскали и закрыли в сарай, спрашивали через переводчика: «Кто видел молодого человека? Куда он ушёл? Кто его спрятал?», но так ничего от нас и не добились. Тогда солдаты натащили к сараю соломы, поставили часовых, но утром всех отпустили: что-то не сработало в их адской машине, и до расправы дело не дошло.

В июле 1942 года рано утром мы были разбужены страшным грохотом артиллерийской подготовки, снаряды рвались сначала где-то в районе Славянки, а затем начался обстрел деревни. В воздухе появились наши штурмовики. Спасаясь от снарядов и бомб, мы забрались в большой кол-

хозный подвал в центре деревни, который находился под кирпичным складом для фуража и закрывался на толстые дубовые двери. В подвале нас собралось несколько десятков человек: старики, дети, женщины; спустились в подвал и несколько немецких солдат. Близким взрывом в подвале выбило дверь и убило нескольких немцев, которые рыли окоп под стеной кирпичной хаты. Мелкие осколки стали залетать в пустой проём подвала, фашисты выглядели испуганными, старались спрятаться за подвальные выступы и кирпичные колонны, поджимали под себя ноги и, в конце концов, пересадили нас ближе ко входу, куда залетали осколки, а сами спрятались в глубине подвала. Нам, ребятам, не сиделось на месте, и, несмотря на окрики женщин и стариков, мы то и дело выбегали на улицу. Выбегав в очередной раз, я увидел нескольких убитых немцев под стеной дома, по улице неслась упряжка с орудиями. И орудия, и упряжь были закрыты зелёными берёзовыми ветками. По улице мчался мотоцикл: в коляске, свесившись вниз головой, болталось тело убитого немца, а позади на сидении корчился ещё один с окровавленным боком. Напротив, через три дома горел склад, трещали патроны, разлетались ракеты, что-то рвалось, солдаты вытаскивали из горящего дома какие-то ящики. Воспользовавшись суматохой, я быстро обшарил карманы убитого

солдата. Моей добычей стали игральные карты, нож с костяной рукояткой и пилкой, а также несколько монет с отверстиями посередине. Думаю, это были греческие монеты.

Кто-то из взрослых, скрывавшихся в подвале, высказал мысль, что если немцы станут отступать, то всех нас перебьют, и предложил бежать и скрыться на речке Ясенке. Мы побежали вчетвером: моя тётя Валентина Ивановна (она была в валенках — болели почки), я, бывший военнопленный «примак», живший в семье напротив, контуженый Володя и старуха лет шестидесяти по прозвищу «Милушка». В деревне каждая семья имела прозвище, которое заменяло и имя, и фамилию. Прозвища давались обычно очень меткие, но в то же время добродушные, с большой долей юмора. Милушка была маленькой сухонькой старушкой, которая ни в чём никому не могла отказать: могла отдать последнюю корку хлеба, и всех — и мужчин, и женщин, и детей — называла «милушки мои».

Мы побежали сразу через огороды в кустарники, находившиеся метрах в пятистах от деревни и называемые в деревне «Кирпичики». Миновав кустарник, мы выбежали на открытое место — запущенное поле. В это время с нарастающим свистом на поле полетели и стали рваться снаряды. Володя побежал первым и закричал нам: «Пе-

ребегайте, падайте в воронки!» Снаряды рвались совсем рядом, а я, лёжа на земле, в ужасе смотрел на вспышки взрывов, по спине колотили комки земли, во рту стало горько, тугая волна пыталась оторвать меня от земли, но, к счастью, никто не пострадал. Перебегая от воронки к воронке, мы пересекли поле и спустились в мелкий овраг, заросший корявыми дубками. Это место у нас называли «Первым ровком». Далее, спустившись к речке, мы укрылись под крутым берегом напротив хутора Кротова Гора, по левому берегу Ясенки. Неожиданно налетели наши штурмовики и зажгли большой сарай напротив того места, где мы прятались, раздалось несколько мощных взрывов, вся речка покрылась всплесками от разлетающихся осколков. Так как боеприпасы продолжали рваться, то мы под крутым берегом побежали в сторону деревенского кладбища. Достигнув луга напротив кладбища, мы увидели снизившийся немецкий двухмоторный самолёт, который развернулся и сбросил авиабомбы. Взрывы были очень сильные, впереди нас взметнулись целые фонтаны из выброшенной взрывными волнами земли и дыма. Нас оглушило, меня начало тошнить, и я впал в истерику: не мог идти и истошно орал: «Я никуда не пойду! Я самолётов боюсь!».

Ниже кладбища мы вышли к группе жителей, которые примчались сюда по ручью. Под яром

паслось несколько коров, в том числе и наша Зорька, а также там было несколько ребятишек. По речке несло глушенную рыбу, и мы стали ловить её руками. Попадались довольно крупные щуки, плывущие или боком, или, совсем обессиленные, кверху брюхом. Мы развели костёр, нажарили на рожнах рыбы, в немецкий котелок надоили молока. К вечеру наступила тишина: ни выстрелов, ни взрывов. Тогда мы отправились в деревню, где увидели удручающую картину: многие дома превращены в груды кирпичей, кругом дымятся остатки пожарищ, пахнет горелым мясом, а на месте бывшего большого сарая лежат обгоревшие, раздувшиеся трупы немецких лошадей-тяжеловозов с куцыми хвостами, повсюду — развороченные орудия. Бродившие вокруг немецкие солдаты не обращали на нас никакого внимания. На ночь тётя ушла к речке стеречь корову, а я залез на огороде в маленький, заросший крапивой и бурьяном блиндаж, в котором мы частенько ночевали.

Все наши надежды на то, что мы будем освобождены нашими войсками, рухнули. Утром, выйдя из землянки, я обратил внимание на группу людей. Подойдя поближе, я увидел, что это наши военнопленные, окружённые стариками и ребятишками. Их было шесть, и все они были в грязной прокопчённой форме, лица и руки — тоже в

копоти. Разговаривая между собой, они обращались друг к другу по званию, одного из них все называли «товарищ майор». Пленные сидели кружком на земле, всякое их движение вызывало раздражение солдат и конвоиров, которые всё время орала, не давая нам подойти ближе. Конвоир бросил в середину кружка буханку белого эрзац-хлеба. Мы до этого ели подобный хлеб, наполовину состоявший из опилок, наполовину — из низкосортной муки с мякиной. Один из пленных, пользуясь металлической столовой ложкой вместо ножа, аккуратно разделил эту буханку с буквами «О.А.» на шесть частей. Я никогда не забуду этот момент: хлеб очень крошился, и его разделили по принципу пирамиды — сначала кусочек побольше, на него — кусочек меньшего размера, на него ещё меньший, и вершиной этой пирамиды был крохотный кусочек величиной со спичечную головку. Эти военнопленные уже не были похожи на усталых и безучастных пленных 1941 года. Они не сдались, но были взяты в плен в бою по трагическому стечению обстоятельств.

Шло лето 1942 года, повсюду развивались бурные события, решающие судьбу нашей Родины, не прекращалась война и на крохотном участке фронта у Пыренки. Ночью совершенно отчетливо были слышны пулемётные очереди, отдельные выстрелы, иногда над нами пролетали снаряды

нашей артиллерии и рвались в полутора-двух километрах за деревней в урочище Дубовый Мост, где немцы строили полосу обороны: силами военнопленных был вырыт громадный противотанковый ров, который тянулся поперёк поля, опоясывая деревню. Днём, обычно в первой половине, прилетали советские самолёты, обыкновенно парами, вертелись над деревней, уклоняясь от огня с земли, ведь немцы стреляли из всех видов оружия, в том числе и из винтовок, из-за чего возникал невообразимый треск и шум. Однако наши самолёты после этой беспорядочной стрельбы всегда улетали невредимыми.

По огородам всюду были вырыты окопы, и мы часто уходили туда, спасаясь от налётов и обстрелов; особенно страшно было, когда деревню обстреливали наши штурмовики. Заходили они обычно с западного конца деревни и летели вдоль улицы на высоте нескольких десятков метров, стреляя из пушек и пулемётов, сбрасывая мелкие бомбы. Налёты эти были довольно эффективными: зачастую горели немецкие автомашины, склады, но заодно доставалось и нам, местным жителям, потому что горели чудом, уцелевшие ранее дома, сараи. В один из таких налётов было уничтожено около десятка автомашин.

Иногда через деревню проезжали на фронт небольшие группы немецких танков, двигаясь

медленно, словно нехотя. По обочинам дороги, прямо вдоль деревенской улицы, немцы устроили небольшие рвы с настилом из двух-трёх жердей, и проходящие через деревню солдаты сидели, как куры на шестке, справляя нужду на виду у всей деревни. Каждый вечер в одно и то же время в дубняке гремели орудия, и через некоторое время до слуха доносился приглушённый расстоянием звук взрыва на нашей стороне.

Глава 5

ОСЕНЬ 1942: ВЫЖИВАНИЕ

Наступала осень 1942 года. Не обращая внимания на обстрелы, мы ходили на огороды, рыли оставшуюся после набегов немецких солдат картошку. Немцы обыкновенно выдёргивали картофельные плети, обирая с них картофелины, так что оставшаяся в земле часть клубней была нашей добычей. Среди жителей деревни ходили упорные слухи, что скоро всех нас отправят в Германию. Как показало время, слухи эти не были лишены оснований, и позже многие из нас были угнаны в рабство. Часть людей попала в лагеря в Германии, как, например, семья Хрыченковых, которую освободили американцы в 1945 году в районе города Торгау, другая часть была рассеяна по многочисленным лагерям, некоторые семьи, в том числе и мы с тётей, решили отсидеться в глухих местах.

В деревенской школе преподавала учительница Нина Алексеевна, детей у неё не было, а муж — командир Красной Армии — был на фронте. В нескольких километрах от города Жиздра, на глухом лесном хуторе с названием Старый Хутор, жили её свёкор и свекровь. После долгих колебаний мы приняли её предложение переехать на Старый хутор, избежав тем самым угона в Германию. Нина Алексеевна добилась в комендатуре разрешения на наш переезд, выдав нас за своих родственников. Никаких сведений о матери, бабушке, сестре и брате мы не имели, и только много времени спустя после освобождения Белоруссии, узнали что они вместе с сестрой бабушки Марией Васильевной и прабабушкой Прасковьей Пафнутьевной были угнаны фашистами из села Усты в Белоруссию, село Залужье, недалеко от города Столбцы. Мама была арестована немцами за связь с партизанами и, по слухам, была расстреляна в Столбцах в ночь на 1 января 1943 года, брат Витя и сестра Лида в том же году умерли от скарлатины в возрасте 3 и 5 лет. Война тяжёлым катком прошла по нашей семье. Неисчислимы страдания стариков, женщин и детей, ставших во время войны невольными заложниками.

Итак, в сентябре 1942 года со стороны хутора за нами приехал свёкор Нины Алексеевны. Мы погрузили на телегу нехитрый свой скарб, привя-

зали сзади Зорьку и двинулись в неизвестность, навстречу своей судьбе. Множество семей передвигалось тогда по оккупированной территории в поисках пищи и убежища. Как оказалось, нас на Старом хуторе никто не ждал, в каждом доме были беженцы, и мы становились обузой без средств к существованию, да ещё с коровой, на которую никто не готовил корма.

Старый хутор во время войны представлял собой глухую, окружённую со всех сторон лесом, деревеньку из 15-20 дворов, находящуюся вдали от больших дорог. Отношения у нас с хозяевами сразу же сложились напряжённые, и вскоре нас приютил семидесятилетний Василий Андреевич, воевавший ещё в империалистическую войну 1914 года и потерявший на этой войне глаз. Те скудные запасы, что мы привезли с собой, быстро растаяли, и начался голод. На первых порах тётя обменяла своё пальто на полмешка зерна, а за картошку отдала единственную памятную вещицу, оставшуюся от деда — карманные часы. Все наши надежды возлагались на Зорьку. В октябре и ноябре нам удалось нажать серпом небольшую копну осоки и немного соломы, но этого хватило ненадолго, а у местных жителей у самих не хватало сена. Все колхозные луга были выкошены, а все стога немцы свозили в одно место и ставили там полицейскую охрану. С началом зимы немцы

стали возить сено в Жиздру через хутор на лошадах, откуда его отправляли дальше на передовую. Для машин дорога была не проездной. Чтобы не сталкивались встречные обозы, немцы пробили параллельно две дороги, по которым и вывозили сено. Мы с тётей ежедневно ходили по дороге и подбирали клочки сена, утерянные при перевозке. Однажды, взяв мешки, мы вышли в очередной раз за сеном, наполнили их, как вдруг на дороге, предназначенной для порожнего движения, показалась вереница саней с возницами-полицаями и немцами. Завидев нас, они стали палить из винтовок, стараясь прострелить мешки, а мы, бросив свою ношу, метались по дороге, в то время как немцы с хохотом проезжали мимо. Когда фашисты проехали, мы вернулись за мешками и обнаружили, что они насквозь пробиты пулями. Испуганные, мы отправились назад в деревню. Тётя со слезами на глазах рассказала о случившемся Василию Андреевичу, на что тот ответил, что это добром не кончится, дал нам несколько охапок сена и пообещал что-нибудь придумать.

И придумал: прямо напротив хаты находился откос, по которому проходила дорога, и сани с сеном всё время заносило вбок, где была выбита большая колея. Нередко возы с сеном, накренившись, падали, и возницы поддерживали их с противоположной стороны. Дед привёз из леса

две сухие ели с сучьями, положил их вдоль откоса сучьями вперёд, так что каждый воз при сносе саней на ухабе обязательно натыкался на ветви ёлок, вмёрзших в снег. В результате часть сена оставалась на крепких еловых сучках. После каждого очередного обоза мы подбирали зацепившееся сено и даже создали кое-какой запас. Кроме этого, в мои обязанности входила заготовка прутьев, веток ракиты, тальника, осины, которые тоже шли на корм.

Голод настиг нас, и главной заботой было добыть хоть что-нибудь съедобное. Мы пересевали высевки из урожая прошлого года; большую часть этой, как её называли, «половы» составлял песок, семена сорняков, и лишь незначительную часть — щуплое, мелкое зерно. Перелопачивая и просеивая эту массу на бывших токах, можно было за день засеять с полведра этих отходов. Затем эту смесь мякины и мелкого зерна мололи на самодельных мельницах-жерновах.

Появилось очень много людей, просивших милостыню (их называли побирушками). Однажды к нам зашла знакомая учительница Вера, вся опухшая от голода: Тётя из последних запасов дала ей стакан муки, и Вера трясущимися руками чуть не уронила стакан на пол, но удержала его, и лишь маленькая щепотка мучной пыли просыпалась на пол. Вера со слезами на глазах встала на

колени, послонявила палец и стала собирать эту пыль, облизывая пальцы. Разве такое забудешь?

Настала и наша очередь: тётя дала мне сумку от противогаза, и я пошёл побираться. Существовал определённый ритуал этого занятия: заходя в дом и стоя у порога, произнесёшь: «подайте Христа ради», и страшно было слышать отказ — «Не прогневайся». С вечера заранее планировался маршрут: идти ли в близлежащее село Коренево, или в город Жиздру, а с утра пораньше я отправлялся по одному из этих маршрутов.

Оккупанты, при помощи полицаев, основательно ограбили население: было реквизировано зерно на фураж лошадям, поголовно истреблены свиньи, куры, овцы и другая живность. Исключение составляли только малочисленные коровы: все их владельцы были обложены натуральным налогом. Население всячески противодействовало этой грабительской политике: повсеместно зарывалось в землю топлёное масло, сало, мёд, устраивались секретные картофельные ямы, вырытые в виде колбы и выстланные соломой. Несмотря на голод, холод и издевательства наш русский народ, в большинстве своём, часто делился последними крохами с людьми, оставшимися без хлеба и крыши над головой. В деревнях не было ни одного дома, где не жили бы беженцы из других сёл и городов. Каждый день по домам ходили

десятки, а то и сотни нищих, и каждый из них хоть что-то да приносил своей семье. Это мог быть или кусок хлеба из мякины и картофеля, или горсть муки, или корнеплоды, но эти скудные пожертвования позволяли остаться в живых и не умереть с голоду. Одна старушка из деревни Коренево специально варила очистки и мелкий картофель, и мы, дети, никогда не обходили стороной её дом, каждому хоть что-то доставалось.

В Старом хуторе жизнь текла своим чередом: в деревне жили по хатам несколько десятков немцев и полицаев, всюду днём и ночью ходили патрули.

Совсем недалеко гремела Великая Отечественная война, в небе и в направлении Жиздры иногда шли воздушные бои, ходили слухи, что в лесу находятся партизаны. Однажды немцы и полицаи привезли кожаный шлем и советский автомат, хвастаясь, что убили партизана. Иногда фашисты на машинах куда-то выезжали из посёлка, возвращаясь на хутор поздно вечером. Об их приближении всегда говорила беспорядочная стрельба: смертельно боясь партизан и нашего загадочного русского леса, немцы беспорядочно палили из машин куда попало.

В начале декабря над нами были разбросаны листовки, извещавшие о великой победе под Сталинградом. На листовках была изображена фо-

тография фельдмаршала Паулюса, допрашиваемого советскими офицерами. В декабре, ближе к Новому году, отелилась Зорька, и на нашем новогоднем столе было сваренное на сковородке молозиво. Я целыми днями проводил время возле телёнка, который находился в доме в так называемой «казенке» — клетке, сгороженной у печки.

Весной, когда уже начал подтаивать снег, к нам зашли два солдата и офицер. Телёнка зарезали тут же в сенах, собрали мясо в мешок и увезли. С какой новой силой в тот момент возненавидел я фашистов! Весной корова совсем отощала, и мы с большим трудом поднимали её. Тётя приговаривала: «Вставай, вставай, милая», а я помогал Зорьке подняться, схватившись за хвост. Наконец, наступила настоящая весна, и я целыми днями играл со сверстниками и пас корову, попутно мы собирали щавель. Мне до сих пор стыдно вспоминать об этом, но голод не тётка, и мы, найдя гнездо с птенцами дятла, сварили их и съели.

Ещё в конце зимы 1942 года мы несколько раз ходили в Жиздру, и весной 1943 года вход туда был уже не по пропускам, которые брали в комендатуре. Иногда мы ночевали у свояченицы, тёти Дуси. Что запомнилось мне из этих походов в гости, так это полное отсутствие еды, морковный чай и непрерывное ночное жужжание бомбардировщиков ПО-2. Сначала слышался монотонный шум

двигателя приближающегося самолёта, затем тишина: в это время самолёт планировал, а затем тишину вдребезги разбивал звук разрывающейся авиабомбы. Это так изнуряло нас, что мы не спали всю ночь, к тому же нам приходилось прятаться по углам. Особенно боялся взрывов мой шестилетний двоюродный брат Женя, и он прижимался ко мне, ища защиты. Затаившись, все мы сидели в тягостной тишине, ожидая своей участи. Окна комнаты были наглухо закрыты, от близких взрывов трепетало и гасло пламя коптилки. По прошествии многих лет мы с Женей, уже убелённые сединой, вспоминали то время и как будто переживали все эти события вновь. Непросто пришлось тогда и нашим славным лётчикам, ведь, сколько надо было иметь умения и мужества, чтобы на этих примитивных, тихоходных машинах отыскать цель, обозначить её осветительными бомбами и точно сбросить бомбы на цель, стараясь при этом не поразить местное население. Бомбили они довольно точно, и о гибели по их вине мирных жителей, по крайней мере, в тот период, мы не слышали. Между тем, весна 1943 года была уже в самом разгаре: цвели сады, лес покрылся листвой. Наступила Святая Троица, женщины достали чудом, сохранившиеся старые панёвы, кокошники, наломали зелёных берёзовых веников и, выпив свекольной, плясали в кругу на

улице. Слов частушек я не запомнил, но помню припев: «Веники, веники, зелёные веники...». Из Жиздры приехал священник, и малочисленная процессия из женщин и ребятишек потянулась по улице на выгон. Священник кропил всех святой водой, макая веник в тазик, и когда дошёл до меня, то я испугался и побежал прочь, чем вызвал невольный смех окружающих. Снова наступили будни, и целыми днями мы пасли кормилиц-коров. Однажды в лесу мы нашли парашют, к которому был прикреплен тюк. Развязав его, мы извлекли ящик, в котором рядами лежала похожая на куски мыла взрывчатка. Мы не знали тогда её названия и с любопытством рассматривали тёмно-жёлтые бруски с отверстием для взрывателя. Решив никому ничего не говорить, мы перенесли груз под выворот и закрыли мхом, но несколько кусков всё же взяли с собой и бросили их в костёр. Тол плавился, горел чадным пламенем, окутывая всё чёрным дымом. К концу дня все мы были чумазы и ощущали сильную горечь во рту. Вечером, когда мы пригнали скот, дед Василий собрал нас всех вместе в бане, заставил умыться, и, в конце концов, мы рассказали ему о находке. Назавтра ни взрывчатки, ни парашюта на старом месте не оказалось.

Настал июль, и события, в которые мы невольно были вовлечены, стали развиваться с калей-

доскопической быстротой. Под ударами наших войск немцы стали отступать. Разрабатывая тактику «выжженной земли», они собрали всё население хутора и под охраной солдат заставили вырывать картофельную ботву. Картофель ещё только начинал цвести, и старшие потихоньку говорили нам: «Не вырывайте всё, старайтесь побольше затоптать». Мы вовсю старались следовать этому совету, затапывая растения, пытаюсь сохранить хотя бы малую толику урожая, надеясь после освобождения вернуться в родные места. Вооружившись двуручными пилами и топорами, солдаты вырубали сады, заваливали землей колодцы.

Глава 6 В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Ранним утром во второй половине июля на хутор нагрянула многочисленная команда немцев. Полусонных, нас вместе с уцелевшим скотом палками и пинками выгнали на улицу и, окружив кольцом солдат и полицаев, выстроили в вереницу. Впереди шли женщины, ведя коров на верёвках, за ними — дети и старики. Не успели мы отойти от хутора, как позади повалил густой дым: немецкие солдаты-факельщики жгли дома. В толпе поднялся ропот и плач, бабы, оглядываясь назад, плакали и крестились, а полицаи ещё усерднее

подгоняли нас. Не помню точно, сколько длилась эта гонка; но утром, после ночёвки у дороги, немцы пригнали несколько подвод, запряжённых лошадьми, и нашу машину-«полуторку» с военнопленным водителем. Посадив стариков и детей на подводы, они погнали нас дальше. По пути к нам присоединилось ещё несколько групп людей, которых конвоировали в основном власовцы, среди которых были и выходцы из Средней Азии. В хвосте этой своеобразной колонны двигались женщины с коровами, и среди них — Валентина Ивановна и Зорька. Тётя не разрешила мне ехать, и я шёл рядом с ней пешком, боясь потеряться в этой толпе. Колонна всё время разрывалась, и конвоиры всеми силами старались не допустить этих разрывов, работая прикладами и палками, особенно старались власовцы, ехавшие верхом на лошадях. Они носились вдоль вереницы измученных людей, восстанавливая порядок нагайками. На привалах, когда толпа останавливалась, женщины кормили коров и сдаивали молоко — часть в котелки, часть прямо на землю, в то время как немцы и власовцы начинали проводить своеобразную сортировку людей, отбирая наиболее молодых женщин и мальчишек повыше ростом, грузили их на машину, якобы для отправки на строительство окопов. Дальнейшая судьба этих людей неизвестна. Всё это сопровождалось страш-

ными сценами насилия, плачем людей, расстающихся с родственниками. Наиболее ярок в памяти такой эпизод: мальчишку чуть старше меня, лет 13-14, власовцы гнали к машине, а мать этого мальчика вцепилась в него. Тогда двое верховых власовцев зажали её между лошадьми и стали с двух сторон нещадно хлестать плётками. Буквально за несколько минут на женщине плетьюми разорвали всю одежду и, в конце концов, она упала на землю, а мальчика заволокли в машину.

Наш маршрут движения пролегал по периметру партизанской зоны, вдали синели леса; по ночам, а иногда и днём, там слышались взрывы — это немцы из орудий и миномётов обстреливали опушки леса. Путь наш пролегал восточнее Дядьково на Ржаницу. Тогда, в 1942 году, мы не знали, что здесь шли бои с партизанскими отрядами, не знали и пресловутой немецкой теории «выжженной земли», теперь же перед нами предстала ужасающая картина: вместо домов кругом стояли обгоревшие кирпичные коробки, улицы поросли бурьяном, на огородах образовались заросли репейника, лебеды, всюду была разбросана посуда, сгоревшие кровати, в запущенных, покалеченных садах висели гроздья смородины, стояла непривычная, как на кладбище, тишина. Ни людей, ни животных — только эта гнетущая, устрашающая тишина.

В один из дней нас перегнали по мосту через небольшую речку и остановили в оврагах около такого же выжженного бывшего населённого пункта с кирпичными домами и заросшими травой улицами, без всяческих признаков жизни. Как сейчас помню: справа от нас вдали в дымке синееет лес, перед нами был старый, скорее всего, барский парк с уцелевшей беседкой. Точное название этого места изгладилось из памяти, если я не ошибаюсь, это была Ржаница, сожжённая фашистами в период карательных экспедиций. Неподалёку протекала речушка. Наши конвоиры на какое-то время словно забыли о нас, появлялись лишь власовцы — молодые, упитанные, наглые, в исправных немецких формах с нашивками «РОА» на рукавах. Мы люто их ненавидели, и они отвечали нам тем же. В этих овражках мы жили несколько дней. Откуда-то привезли зарезанного хряка, раздали всем по куску мяса. Несмотря на голод, я не смог его есть, и у меня до сих пор сохранилось отвращение к такому мясу. Каждый вечер в беседке собирались немецкие и власовские офицеры, пили, пели, палили из пистолетов куда попало.

Однажды мы стали свидетелями трагического воздушного боя. День выдался ясный, с хорошей видимостью. Утром недалеко от нас над лесом появились две тройки тяжёлых советских двухмо-

торных бомбардировщиков, курсом на восток, из немецкого тыла. Летели они медленно, чётким строем. Неожиданно появились фашистские истребители, далее всё происходило по одному сценарию: истребители буквально вплотную заходили сзади с хвоста и с короткого расстояния расстреливали эти тихоходные машины, которые загорались и падали, вращаясь, на землю. От них отрывались крылья, хвостовая часть и ещё какие-то детали. За несколько минут все самолёты были сбиты, в небе остались только дымные полосы от упавших машин, и медленно спускалось несколько парашютистов - лётчики с экипажей, сбитых самолётов. И тут началось самое страшное, этот эпизод войны с фотографической точностью отпечатался в памяти: подоспели ещё два немецких истребителя и начали расстреливать беззащитных лётчиков, спускавшихся на парашютах. После каждого захода парашют загорался, но с земли огня не было видно, а только бежала по белому куполу чёрная змейка, парашютист начинал раскачиваться и затем, беспорядочно вращаясь в воздухе, падал. Мы все с ужасом наблюдали этот страшный спектакль смерти, многие плакали. Даже сейчас, спустя десятки лет, невозможно представить себе состояние расстреливаемых в воздухе лётчиков, которые совсем ничего не могли противопоставить надвигающейся смерти.

После пережитого мы молча сидели у костров, потрясённые увиденным. К нашему костру подошли два власовца, один из которых обратился к деду Василию Андреевичу со словами: «Ну что, дед, видел, как кресты зарабатывают!», на что дед ответил: «Будут вам кресты». Тогда один из власовцев — рыжий, с пороссячьими ресницами - огрел деда по спине прикладом, а в довершение достал из кармана яйцевидную гранату и бросил её в горящий костёр. Мы все мгновенно разбежались на значительное расстояние и стали ждать взрыва. Время шло, а граната все не разрывалась. Все начали гадать: взорвётся или нет, некоторые предложили взять ведро, в котором варилась на костре похлёбка, как вдруг рвануло. Зола и головни полетели вверх, от ведра и нашего завтрака ничего не осталось.

На следующий день нас снова подняли и погнали на мост через большую реку (скорее всего, это была Десна) и далее по совершенно голой, безлесной местности, прорезанной многочисленными оврагами. Нас гнали несколько дней, и, наконец, мы остановились недалеко от дороги в овраге, зажатом с двух сторон возвышенностями. Впереди нас, внизу, виднелось село Молодьково, справа, на горке, церковь, слева — довольно высокий холм. Позади грохотал фронт, носились наши и фашистские самолёты, по всему горизон-

ту поднимались столбы чёрного дыма. Наши конвоиры в одночасье куда-то подевались, вдали двигались отступающие немецкие войска: машины, танки. Люди со скотом рассредоточились по многочисленным оврагам. К вечеру над нами на высоте нескольких десятков метров пролетела беспорядочная группа немецких самолётов-лаптёжников с неубирающимися шасси, на концах их крыльев мигали огни. Один из самолётов неожиданно перевернулся и с оглушительным грохотом взорвался на гребне между оврагами.

Глава 7 ОСВОБОЖДЕНИЕ

Последняя ночь перед освобождением нас нашими воинами выдалась тёмная, хоть глаз выколи, и мы все, от мала до велика, не спали. Небо позади нас озарялось непрерывными сполохами, на дороге слышались крики немцев, шум машин. А когда заалело робкое сентябрьское утро, воцарилась мёртвая тишина; мы, ребяташки, прокрались к дороге, и увидели двух идущих по обочинам солдат, наших родных советских солдат в шинелях, с подтянутыми под ремень от росы полами, в сапогах и с автоматами. С криками «Наши!» мы бросились к ним, повисли на их шеях, прижимаясь к их жёстким щекам... Мы проводили их к нашему «табору» — снова к слезам, объяти-

ям. Особенно мне запомнился пожилой солдат, которого мы угостили молоком, а он всё повторял: «Молодцы, бабоньки, коровок сохранили». Солдаты продолжили свой путь вдоль дороги, а следом уже подходили другие, неся на плечах длиннющие, не виданные до сих пор нами противотанковые ружья, ручные пулемёты. На холм слева от нас поднялся майор с биноклем, а мы, несмотря на предупреждение деда Василия о том, что будут стрелять, побежали наверх к майору. Майор спросил нас: «Кто, ребята, из Людиново?», но таких не оказалось, и он сказал нам, как взрослым, что семья его жила в Людиново и, может быть, кто-нибудь что-то и слышал о судьбе жителей этого города, следом шли миномётчики, несшие стволы и плиты, и майор громовым голосом распоряжался: «Миномётчики, не отставать!».

С находившейся на противоположной стороне церкви началась стрельба, и нам пришлось спуститься вниз, в овраг, через некоторое время у подножия церкви появились солдаты. Они быстро выдолбили нишу, заложили взрывчатку, и после мощного взрыва на этом месте осталась лишь груда кирпичей. В Молодьково слышались редкие автоматные очереди, позади нас нарастал гул автомобильных моторов.

На следующее утро мы отправились на родные места. Мы решили возвращаться в наш Ду-

миничский район, деревню Пыренка, а было нас из деревни всего четверо: я, моя тётя, её подруга Нина Алексеевна и неизменный и преданный наш друг, не раз уже спасший нас от голода — Зорька. Об уникальной Зорькиной судьбе можно много и долго рассказывать: она прошла с нами бомбёжки, обстрелы, голод опасности, каждую минуту рискуя быть убитой на мясо немецкими солдатами. Война научила её таиться, не выдавая себя, ложиться во время обстрелов и бомбёжек, и несмотря ни на что Зорька неизменно следовала за своей хозяйкой. Посоветовавшись, мы решили, что тётя будет возвращаться с коровой пешком, а мы — на попутных машинах. Мы с Ниной Алексеевной попросились на машину, ехавшую в тыл и, забравшись в кузов, поехали навстречу непрерывно двигавшемуся потоку машин, танков, знаменитых «катюш», накрытых брезентовыми чехлами. Через несколько часов езды мы подъехали к мосту через Десну. Кругом на подъезде к мосту валялось бессчётное множество трупов немцев, разбитые повозки, искорёженные машины. Некоторые трупы были раздеты возвращавшимися из оккупации жителями и лежали в нижнем белье. Мы равнодушно смотрели на посиневшие лица, раздутые ноги в рваных носках, разбросанные каски, коробки противогазов, как на отработанный мусор войны; убитые немцы, которые ещё совсем

недавно могли нас покалечить, загнать в лагеря, убить, не вызывая уже той ненависти, которую мы питали к ним раньше, находясь в оккупации. Нам не было жаль их - это были не люди, и их смерть была закономерна. Их постигло справедливое возмездие.

В машину, на которую мы попросились в попутчики, подсели по дороге двое пожилых солдат. Один из них дал мне кусок сахара, и всё время пытался разговаривать со мной. Через некоторое время, когда мы проезжали через небольшую речку, снова стали попадаться трупы немцев. Солдат постучал по кабине, машина остановилась, и все наши попутчики разбрелись вдоль дороги, посреди дороги стоял громадный немецкий танк с длинноствольной пушкой, по обочинам валялись трупы. В воздухе стоял тяжёлый, приторно-сладкий запах разлагающихся тел - запах войны, который невозможно забыть. Мы с Ниной Алексеевной старались стоять на дороге и не подходить ближе, но солдаты позвали нас и, посмотрев на мои страшные опорки на ногах, которые представляли собой жалкое зрелище, решительно подошли к убитому немцу. Он лежал ничком, был небольшого роста, в жёстких кованых ботинках, а на спине у него был ранец, к которому ремешком было привязано одеяло. Солдаты с большим трудом сняли с него ботинки и забрали это одеяло. По-

жилой солдат отправил Нину Алексеевну вымыть ботинки в речке. Погрузившись на машину, мы двинулись в дальнейший путь, и машин нам встречалось всё меньше и меньше. Вскоре водитель вновь остановил машину, мы развели костёр, сварили концентрат, всем, в том числе и нам, дали по куску американской тушёнки. Я впервые ел такое кушанье и забрал пустую банку, которая впоследствии мне очень сгодилась. Пожилой солдат достал из своего вещевого мешка чистые портянки, помог мне обуться в ботинки, снятые с того убитого немца, отдал нам одеяло. Только значительно позже, зимой, мы по достоинству оценили значение этого подарка: Валентина Ивановна сшила мне из него курточку и штаны, которые я, из-за отсутствия белья, носил на голом теле, а ботинки не только спасали меня от холода, но и, благодаря восьмигранным шинам на подошвах, легко скользили по льду, что давало мне большое преимущество перед сверстниками, когда мы катались по гладко застывшей наледи ручья, разделявшего нашу деревню на две части. Ночь застала нас в городе Людиново, и мы переночевали в машине, накрывшись брезентом, а утром солдаты принесли каши с мясом и чёрного хлеба. В банке вместо чая заварили зверобой, и мы, позавтракав, двинулись дальше. Остановились в селе Букань, которое было полностью разруше-

но: бои за него длились необычно долго, и вся земля вокруг села была перепахана снарядами. В Букани мы расстались со своими спутниками: машина поехала дальше по большаку, а мы свернули на просёлок, ведущий на нашу родину, в Пыренку. Первый привал сделали в деревне Папки, полностью разрушенной, погружённой в гробовую тишину. Нигде не было ни видно, ни слышно ни людей, ни животных, ни птиц. Мы молча посидели на краю деревни у братской могилы советских солдат с короткой надписью на досочке: «Тут похоронены герои артиллеристы. Спите спокойно, мы за вас отомстим». Вокруг на поле и огородах стояло несколько подбитых немецких танков. Чем дальше мы брели по этим опустошённым войной местам, тем тревожнее становилось на душе. Вся дорога была разбита, местами стояли столбики с прибитыми к ним дощечками «Осторожно: мины».

Наконец, к вечеру мы пришли в Пыренку. Деревня представляла собой жалкое зрелище: абсолютно все дома были либо разрушены, либо сожжены дотла и смотрели на нас пустыми глазницами окон. Крепкими строили жители Пыренки свои дома — и кирпич крепок был, и кладка прочна, но, несмотря на то, что все стены домов сплошь были покрыты, словно оспинами, щербинами и выбоинами от крупных и мелких осколков

снарядов и мин, некоторые кирпичные коробки деревенских построек продолжали стоять. Встретили нас лишь несколько семей, вернувшихся из неволи, среди них — семья Мушкетовых с моим сверстником Володей и семья Королёвых с Виктором, который был старше меня на год, и его семилетним братишкой Сашей. По всей деревне было устроено немало дзотов, блиндажей, так что проблема жилья решилась быстро: мы заняли довольно приличный блиндаж с железной печью и нарами, вырытый в центре деревни. В нём имелось даже небольшое окно-амбразура, закрытая стеклом от автомобиля. Вскоре в деревню прибыла Валентина Ивановна и привела с собой Зорьку.

Пыренка славилась своими полями: несколько тысяч гектар площади засевалось клевером. К моменту нашего возвращения клеверные поля были разминированы и выкошены, а сено вывезено на железнодорожную станцию для нужд Красной Армии, но вывозка производилась поспешно, и на местах, где стояли стога, оставалось ещё понемногу сена, которое мы старательно сгребли в копны, а часть на себе вязанками перетаскивали в деревню, что позволило обеспечить Зорьку кормом. Удалось заготовить на зиму мешок ржи. Траншеи проходили по полю, засеянному рожью, неубранное зерно осыпалось осенью,

дало всходы, и по траншеям на взрыхлённой земле местами снова созрели колосья, которые мы обобрали. Нашли мы и старый топор, которым я при помощи клиньев колот и рубил дрова.

В двух километрах от деревни в больших блиндажах, вырытых в насыпи узкоколейной железной дороги, были расквартированы человек 20 сапёров во главе со старшим лейтенантом Кирсановым. Сапёры разминировали минные поля перед бывшей линией обороны Красной Армии, которая проходила в километре восточнее Пыренки. Так как людей не хватало, то нас привлекли на сбор и погрузку обезвреженных противотанковых мин в штабеля, а затем в автотранспорт. Эти мины представляли собой крепко сколоченные продолговатые деревянные ящики, наполненные взрывчаткой с толовой шашкой посередине, капсюлем и ударником натяжного действия. Так как мины устанавливались зимой, то после таяния снега они оказались наверху на земле, и лишь в некоторых местах были до половины врыты в землю — поэтому они полностью сохранились и снова направлялись на фронт для дальнейшего использования. За нашей работой всегда следил выделенный командиром боец, и нам было запрещено сходить с тропы, поднимать боеприпасы и прочее, поэтому вся эта работа проходила без происшествий. Однако, возвращаясь в деревню, мы

снова были без присмотра и поднимали валявшиеся повсюду винтовки, патроны, отпиливали приклады, потому что рука ещё не доставала до спускового крючка, палили вечером в воздух трассирующими пулями и, несмотря на строжайшие запреты взрослых, глушили рыбу гранатами, разряжали всевозможные боеприпасы. Всё это не проходило бесследно: ребята и девчонки нашего поколения гибли, лишались рук, ног, глаз, получали тяжелейшие ранения. Сейчас многие считают, что это не что иное, как несчастные случаи, вызванные шалостью детей, но это не так: война для нас продолжалась, она таилась во многочисленных минных растяжках, неразорвавшихся снарядах и минах, и мы, опухающие от голода, лазили по старым окопам, блиндажам, заминированным полям, собирая весной щавель, а зимой - топливо. Смерть ожидала и наших родителей и в поле, и в лесу: люди подрывались, неосторожно открыв дверь брошенного блиндажа; подрывались с большим трудом восстановленные трактора, гибли трактористы. Женщины, боронившие посевы, старались пользоваться длинными двойными вожжами для управления лошадьми, но всё равно некоторые из них погибли, некоторые получили тяжкие ранения, ослепли. Непрерывные бои, проходившие с января 1941 года по август 1943 на одном и том же участке фронта, привели к тому, что

буквально каждый квадратный метр этой много-страдальной земли был нашпигован боеприпасами.

Не избежал горькой участи многих и я. С началом весны мы ежедневно ходили на Ясенку за щавелем и для рыбной ловли, неизменно проходя по тропке, протоптанной около кладбища. Берег речки, и тропа во многих местах были перегорожены растяжками, и мы, осторожно ступая, затаив дыхание, перешагивали через зловещие проволочки.

В один из дней мы вчетвером отправились на речку, а по возвращении решили в отсутствие сапёров самостоятельно разминировать тропу. Первый десяток противотанковых и несколько противопехотных мин нам удалось разрядить. На очереди была мина, глубоко зарытая в земле. Двое ребят - Виктор Королёв и Володя Мушкетов - попытались подцепить её сапёрной лопатой, и, так как эта мина, скорее всего, была установлена на **НЕИЗВЛЕКАЕМОСТЬ**, прогремел взрыв. От Володи осталась лишь одна рука с рукавом, а от Виктора — отдельные фрагменты тела. Я и семилетний Александр Королёв были тяжело ранены.

ЭПИЛОГ

Инвалидность наложила тяжёлый отпечаток на всю жизнь: это чувство стыда за физические недостатки, прозвища в школе, физические и моральные страдания, непрерывная борьба с самим собой в стремлении встать вровень со здоровыми. Часто при обращении к властям с просьбой о помощи я слышу в ответ: «Вы что, воевали в 7-12 лет?!», и становится обидно. Нет, сами мы не воевали, но мы, маленькие беззащитные песчинки общества, были вовлечены в этот страшный круговорот Великой войны и стали её невольными участниками, наряду со взрослыми перенесли все тяготы того времени. Да, мы ещё не могли с оружием в руках биться с ненавистным врагом, но мы свято верили в Победу и помогали взрослым как могли. Это за нас наши отцы и деды воины Красной Армии - армии освободителей - нещадно громили фашистских захватчиков, освобождая нас из ада оккупации. Война унесла жизнь моей матери: она погибла от рук палачей, остались в Белорусской земле младшие братик и сестра. Можно восполнить любые материальные потери, восстановить разрушенные заводы, фабрики, города, сёла, но нельзя вернуть потерянное детство моего поколения, исцелить души, в которых по сей день живёт война.

Стремительно покидает нас поколение участников Великой Отечественной войны. Давно ли в нашем небольшом бамовском посёлке Звёздный их было шестнадцать, а теперь осталось только двое. Постарели и дети войны, многих уже нет, остальным за семьдесят, и недалеко то время, когда они станут последними свидетелями тех кровавых исторических событий. Думаю, было бы справедливо возвести в России мемориальный памятник детям - невинным жертвам этой безжалостной, страшной войны.